

Т. Д. Флоринский

**Афонские акты и снимки с
них в собраниях П. И.
Севастьянова**

Библиографическое разыскание

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Т. Д. Флоринский**
Афонские акты и снимки с них в собраниях П. И. Севастьянова: Библиографическое разыскание / Т. Д. Флоринский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 112 с.

ISBN 978-5-458-35279-6

ISBN 978-5-458-35279-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АФОНСКІЕ АКТЫ И ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ СНИМКИ СЪ НИХЪ ВЪ СОБРАНІЯХЪ

П. И. СЕВАСТЬЯНОВА.

Важное значеніе Аеона въ исторіи религиозной и умственной жизни всего православнаго Востока достаточно уяснено въ наукѣ. Въ средніе вѣка, особенно въ XII—XV ст. Святой горѣ по преимуществу принадлежала слава центра самаго строгаго аскетизма, самой высокой религиозно-созерцательной жизни, привлекавшей сюда массы поклонниковъ изъ всѣхъ странъ православія. Многочисленные аеонскіе монастыри, со множествомъ свѣтовъ и уединенныхъ келлій, богато надѣленные всякаго рода святынями, съ ихъ чудесною исторіей, загадочнымъ, своеобразнымъ бытомъ издавна сдѣлались предметомъ особаго почитанія для народовъ Востока. Греки, Сербы, Болгары, Русскіе, Грузины—заботились о томъ, чтобы имѣть на знаменитомъ полуостровѣ особые монастыри для своихъ національностей. Византійскіе императоры, цари и вкраи—сербскіе и болгарскіе, а позднѣе волошскіе господа и русскіе государи считали своею обязанностію быть втиторамъ тѣхъ или другихъ аеонскихъ обитателей, и изъ религиознаго уваженія къ святынямъ и древностямъ аеонскимъ, и изъ желанія имѣть непрестанныхъ молитвенниковъ за себя и свои народы строили и украшали храмы на Святой горѣ, надѣляли ихъ землями и „метохами“, снабжали необходимыми церковными принадлежностями, или просто раздавали имъ милостыню. Въ виду пораженія мусульманами Палестины и другихъ священныхъ для христіанъ мѣстъ, на Аеонѣ по преимуществу находило себѣ удовлетвореніе религиозное чувство православнаго населенія Востока, особенно византійской имперіи и югославянскихъ государствъ; здѣсь было такъ сказать средо-

точіе религиознаго общенія этихъ двухъ народностей — византійской и славянской.

Съ другой стороны Аѳонъ столь же рано приобрѣлъ просвѣтительное значеніе. Монахи святогорскіе, среди своихъ религиозныхъ подвиговъ находили время и для занятій литературныхъ, которыя сводились главнымъ образомъ къ списыванію книгъ религиознаго, философскаго и историческаго содержанія византійскихъ писателей. Аѳонъ выставилъ нѣсколько извѣстныхъ богослововъ и іерарховъ на патриаршія и епископскія кафедры и, нѣкоторое время служилъ излюбленнымъ мѣстомъ происхождения богословскихъ теорій, которыя нерѣдко потомъ дѣлались предметомъ ожесточенныхъ споровъ въ византійской церкви. Для Сербовъ и частью для Болгаръ было особенно важно умственное вліаніе Аѳона. Отсюда вышли всѣ первые и главные представители сербской литературы. Тѣсная связь съ Аѳономъ сербскаго владѣнія и затѣмъ царства не превращалась до самаго его паденія. Знаменитая Хиландарская Лавра оставалась за все это время во главѣ сербскаго литературнаго движенія, чѣмъ собственно и объясняется исключительно церковный характеръ сербской средневѣковой письменности. Всѣ видные дѣятели сербской церкви, какъ извѣстно, также вышли съ Аѳона, или такъ либо иначе связали съ нимъ свою дѣятельность. Позже, съ наступленіемъ турецкаго господства на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, просвѣтительное значеніе Аѳона еще болѣе поднялось. Внося всюду произволь и истребляя слѣды христіанской образованности, Турки не рѣшились воснудиться неприступной Аѳонской горы и предоставили ей сравнительно сносное положеніе. Благодаря этому здѣсь только и сдѣлалось возможнымъ существованіе если не литературнаго, то книжнаго дѣла для удовлетворенія насущныхъ потребностей порабощеннаго славянства. И дѣйствительно Хиландарь вмѣстѣ съ Зографомъ, Русскимъ и монастыремъ св. Павла собираютъ у себя остатки преслѣдуемой славянской письменности и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ поддерживаютъ старыя литературныя преданія. Большинство извѣстныхъ сербскихъ и частью болгарскихъ рукописей XV, XVI и даже XVII в. составляютъ труды

аеонскихъ списывателей. Библіотеки аеонскія издавна славилась рукописными сокровищами и въ разныя времена обогатили ими не одно европейское собраніе. По отношенію къ намъ русскимъ напомнимъ между прочимъ о щедрой посылкѣ рукописей въ Москву въ 1653 г. когда патріархъ Нисеонъ задумалъ исправленіе церковныхъ книгъ.

Въ виду указаннаго значенія Аеона въ прошломъ византійско-славянскаго міра вполне понятно его значеніе для современной науки, какъ хранителя разнообразныхъ остатковъ старины, уясняющихъ исторію и образованность этого міра. Количество памятниковъ искусства, исторіи и литературы, сохраняющихся на Аеонѣ, поражаетъ своимъ числомъ, которое несомнѣнно увеличилось бы еще болѣе, еслибы не невѣжество и не низкая нравственность монашествующихъ позднѣйшаго времени. Церкви и другія монастырскія постройки древней архитектуры съ оригинальными пирами (башнями), трапезами, мозаичными полами, колоннами, бронзовыми дверями, старинныя иконныя изображенія на стѣнахъ, на дѣлахъ, въ книгахъ, изъ мозаики, эмали и въ рельефахъ, разнообразныя предметы старинной церковной утвари — все это представляетъ богатый матеріалъ для изученія византійскаго и частью славянскаго искусства, а также вліянія перваго на послѣднее. Съ другой стороны монастырскія бібліотеки и сосудохранительницы (склепы) съ богатыми собраніями греческихъ и славянскихъ рукописей и монастырскихъ документовъ заключаютъ въ себѣ неисчерпаемый запасъ данныхъ, одинаково драгоцѣнныхъ для византиниста и слависта, будетъ ли онъ историкъ, языковѣдъ или палеографъ. Важность аеонскихъ древностей и памятниковъ была давно понята. Ученые путешественники — наши и иностранные — посѣщавшіе святогорскіе монастыри, останавливали на нихъ свое вниманіе и по мѣрѣ силъ и средствъ составляли болѣе или менѣе подробныя описанія видѣннымъ памятникамъ, или же дѣлами о нихъ краткія упоминанія въ изданіяхъ своихъ путешествій. Благодаря трудамъ Василія Барскаго, Фальмерайера, Аврамовича, Григоровича, Преосв. Порфірія, Арх. Леонида, Дмитріева-Петковича, Севастьянова и многихъ другихъ,

предъ изслѣдователями прошлаго византійскаго и славянскаго міра достаточно раскрылись, драгоценныя и вмѣстѣ трудно доступныя сокровища древности, срывающіяся на Аеонѣ.

Я не стану здѣсь перечислять результатовъ всѣхъ этихъ трудовъ. Скажу только, что ими положено прочное основаніе къ изученію аеонскихъ достопамятностей, какъ со стороны художественной, такъ и въ историческомъ и палеографическомъ отношеніяхъ. Со времени появленія упомянутыхъ трудовъ начались усиленныя разысканія въ аеонскихъ монастыряхъ, были открыты и частью сдѣланы достояніемъ всеобщаго пользованія многія замѣчательныя рукописи, какъ наприм. Зографское евангеліе и мн. др.; сдѣланы извѣстны многіе аеонскіе акты, проливающіе новый свѣтъ на византійскую и славянскую исторію; явились обстоятельныя историческія описанія нѣкоторыхъ аеонскихъ монастырей, какъ напр. Русска и Хиландарской Лавры; получились данныя для изученія византійскаго и славянскаго искусства и проч., однимъ словомъ сдѣлано много. Другой вопросъ: все ли сдѣлано, что можно? Со всѣми ли аеонскими сокровищами мы ознакомились вполне, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, которыя не разъ обращали на себя вниманіе нашихъ же путешественниковъ? Наконецъ, дѣйствительно ли составляютъ достояніе науки, т. е. вполне доступны всякому изслѣдователю тѣ копіи съ драгоценныхъ аеонскихъ памятниковъ, которыя приобрѣтены были въ разное время и нерѣдко съ большими затрудненіями? Отвѣта на этотъ вопросъ пока нѣтъ въ литературѣ; между тѣмъ онъ былъ бы весьма желателенъ, при томъ наиболѣе точный и въ возможно скоромъ времени, въ виду важности дѣла и весьма ненадежнаго положенія на Аеонѣ самыхъ памятниковъ. Предоставляя другимъ, болѣе зрѣлымъ изслѣдователямъ, обстоятельно разъяснить этотъ вопросъ во всей его цѣлости, здѣсь я имѣю въ виду коснуться одной небольшой части его: именно, остановлюсь на аеонскихъ актахъ, сохраняющихся на святой горѣ въ большомъ числѣ и несомнѣнно имѣющихъ весьма важное значеніе не только для мѣстной исторіи Аеона, но и для исторіи византійской и славянской. Въ сжатомъ очеркѣ я прослѣжу исторію указанія,

собіранія и изданія актовъ, остановлюсь подробнѣе на одномъ неизвѣстномъ собраніи ихъ, попытаюсь на основаніи этого обзора опредѣлить, какая часть матеріала этого рода остается неизвѣстною по существу и наконецъ познаюмлю съ нѣкоторыми изъ неизданныхъ актовъ, съ которыми меня свели спеціальныя занятія славянскою исторіей.

I.

Честь перваго раскрытія богатства историческихъ матеріаловъ, скрывающихся въ аеонскихъ бібліотекахъ и скевофілавіяхъ — принадлежитъ знаменитому нашему путешественнику XVIII в., достопочтенному пѣшеходцу о. Василю Григоровичу Барскому. Во время своего двадцати-четырёхлѣтняго странствованія по святымъ мѣстамъ, онъ посѣтилъ два раза Аеонъ въ—1726 и 1744 г. г., при чемъ въ послѣдній разъ провелъ тамъ около года. При своемъ недолгомъ, разностороннемъ умѣ и любознательности талантливый монахъ не могъ ограничиться ознакомленіемъ съ Святою горою и ея обитателями только съ внѣшней религіозной и бытовой стороны; онъ хорошо понималъ значеніе и тѣхъ тайниковъ, въ которыхъ хранились древнія рукописи и монастырскіе декументы, успѣлъ добратся до нихъ и посвятилъ на занятіе ими часть своего времени. Почти весь второй томъ извѣстнаго „Путешествія“ *) Барскаго посвященъ замѣчательному, весьма обстоятельному описанію аеонскихъ монастырей и ихъ достопамятностей; въ числѣ послѣднихъ авторъ всюду отмѣчаетъ и акты. Успѣвъ снискать расположеніе святогорскихъ старцевъ, о. Василій получилъ возможность свободно обозрѣть книгохранилища большей части аеонскихъ монастырей; изъ 20 обителей только въ двухъ—Котломушѣ и Діонисіатѣ—

*) Полное заглавіе этого замѣчательнаго труда слѣдующее: „Пѣшеходца Василя Григоровича Барскаго—Плакя Албова, уроженца Клевскаго, монаха Антиохійскаго, Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 г. и оконченое въ 1747 г. имъ самимъ писанное. Изданіе 3-е. Сиб. 1793 г.“

въ виду явнаго „нестраннолюбія благихъ отцовъ“ онъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что ему наскоро было показано и лишь въ одномъ Ксиропотамѣ онъ небылъ совсѣмъ допущенъ ни къ рукописямъ, ни къ хрисовуламъ, почему и сообщаетъ о нихъ лишь по наслышкѣ. Такимъ образомъ Барскій пересмотрѣлъ массу документовъ; вкратцѣ онъ переименовываетъ ихъ до 200 нумеровъ; но число видѣннаго имъ, вѣроятно, значительно превышаетъ эту цифру, такъ какъ въ перечисленіе его большею частью не входятъ сигилліоны или патриаршія грамоты, которыя навѣрно такъ же были въ его рукахъ. При всемъ томъ едва ли можно сомнѣваться, что много документовъ осталось неизвѣстнымъ этому первому ученому обозрѣвателю Аэона. Сообщенія послѣдующихъ путешественниковъ ясно доказали это. Помимо того, что невозможно и ожидать, чтобы одинъ человѣкъ и съ перваго раза выполнилъ задачу разбора и описанія аэонскихъ монастырскихъ архивовъ, когда это дѣло еще не составляло главной цѣли его путешествія, многое необходимо должно было ускользнуть отъ вниманія нашего путешественника какъ вслѣдствіе небрежнаго храненія самыхъ документовъ, такъ и потому, что аэонскіе скевофилаки по невѣжеству, подозрительности и своимъ расчетамъ, тщательно прикрываемымъ наружнымъ благорасположеніемъ, далеко не все показывали любознательному паломнику. Наконецъ иные, также весьма многіе акты хотя и видѣнные авторомъ не могли войти въ его описаніе, какъ непрочитанные частью за порчею писцаго матеріала, частью вслѣдствіе непониманія самаго письма подлинниковъ, что представляется вполне понятнымъ, если взять во вниманіе неподготовленность Барскаго къ палеографическимъ занятіямъ и неособенно твердое знаніе греческаго языка, въ которомъ онъ былъ самоучка. Всему этому подтвержденіе мы находимъ въ простодушныхъ, откровенныхъ объясненіяхъ достопочтеннаго о. Василія. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важныя для характеристики того плачевнаго положенія, въ которомъ находились уже въ XVIII ст. многіе драгоценные документы. Въ мон. Лаврѣ онъ отмѣчаетъ подъ № 5 хрисовулъ на пергаментѣ съ красною подписью, которой онъ не прочиталъ

„труднаго ради преплетанія и ради затертія писменъ отъ мокроты и ветхости“. „Суть же (тамъ) и иные на хартіи хрисовулы, но или отъ нерадѣнія и небреженія хранящихъ, или отъ ветхости лѣтъ сиде согниша и раздрашася, яко оттого не могохъ прочести подписи и не разумѣются отъ кого суть дарованны и что въ нихъ заключается, дѣльнѣе же чтутся и разумѣются, аще и не безъ труда, ради древнихъ и въ нынѣшнемъ вѣцѣ необычныхъ письменъ и преплетаній“. Въ монастырѣ Каракаллѣ Барскій указалъ только два акта; „быша и инны многи тамо хрисовулы, но за небреженіемъ согниша и потребишася во всѣхъ и отнюдь подписи ихъ познатися не могутъ“. Тамъ же пострадала и библіотека: „еще же и книги, якоже слышахъ, довольны тамо быша, но оскудѣвшимъ инокамъ и немущимъ тщаливыхъ начальниковъ и вѣрныхъ хранителей, сѣмо и овамо разсѣяшася и не обрѣтахуся тамо тогда инны учительныя книги, вромѣ церковныхъ“. Тоже самое нашель о. Василій и въ монастырѣ Котлонушѣ: „также и хрисовулы многіе видѣхъ согнившіе и до конца потребившіеся, и не мощно было изслѣдовати отъ кого дадошася“. Про нѣкоторые хрисовулы этого монастыря авторъ говоритъ, что въ нихъ „имена не познавашася отъ согнитія и замоченія и снѣдеція мышаго“. А вотъ еще одно объясненіе о Барскаго, почему ему не удалось видѣть акты нѣкоторыхъ монастырей: въ монастырѣ Ксенофѣ хрисовуловъ ему не показали „точію единъ обветшалый господарей волошскихъ, два или три (?), не имяху бо тогда въ монастырѣ, но или погубишася непостоянствомъ времени или отъ нѣкоего хитреца, или благоразумна и вѣрна сокрышася въ нѣкоемъ тайномъ мѣстѣ, донелѣже Богъ лучше что устроить обители Святой.“

Что касается способа, которымъ пользуется Барскій при описаніи актовъ, то онъ весьма простъ, однообразенъ и конечно не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ. Собственно го-

вора, за немногими исключениями, мы находимъ у него не описаніе, а краткій указатель или перечень памятниковъ. Обращается вниманіе преимущественно на внѣшнюю сторону документа: указывается на чемъ писать: на пергаменѣ, или на бумагѣ, имѣетъ ли печать и какою и вѣмъ подписанъ; года обозначаются не всегда, даже если и находятся на грамотахъ; при обозначеніи весьма нерѣдки и ошибки. О содержаніи актовъ, обыкновенно ничего не говорится. Разсматривая главнымъ образомъ хрисовулы и находя въ нихъ болѣе, или менѣе одинаково составленные документы на тѣ, или другія приношенія монастырямъ, Барскій очевидно не интересовался частностями, и старался только доискаться, вѣмъ выдана грамота. Оттого мы встрѣчаемъ у него, послѣ краткаго обозначенія нѣкоторыхъ хрисовуловъ, цѣлый рядъ такихъ указаній: „инный (т. е. хрисовуль) подобный тогожде царя“ или тогожде Стефана, Уроша и— больше ничего. Слово „подобный“ въ этихъ случаяхъ всегда относится къ внѣшности грамоты. Краткость указаній иногда доходитъ до послѣдней степени. Нерѣдко подъ особымъ номеромъ стоятъ два слова: „иной хрисовуль“. Мало знакома съ содержаніемъ видѣнныхъ памятниковъ Барскій не вошелъ также во все разнообразіе аеонскихъ документовъ. О египціонахъ онъ говоритъ только вскользь, и цѣлые разряды актовъ, указанные послѣдующими учеными остались ему совсѣмъ неизвѣстны. При всѣхъ этихъ недостаткахъ, впрочемъ легко объяснимыхъ, указателя о. Барскаго, мы должны, однако, признать за нашимъ путешественникомъ честь перваго ознакомленія съ нѣкоторыми изъ документовъ во всей ихъ цѣлости. Въ его описаніи изданы въ подлинникѣ двѣ русскія грамоты—Царя Іоанна Васильевича и Алексѣя Михайловича и русскія копии — хрисовула императора Романа мон. Ксиропотаму и одного турецкаго хатташерифа. Я остановился нѣсколько долго на трудѣ Барскаго потому, что трудъ этотъ весьма почтенный, выполненный въ первой половинѣ XVIII в. и вполне оцѣненный современниками, имѣетъ очень важное значеніе и въ настоящее время. Независимо отъ общихъ достоинствъ этой книги, выдержавшей шесть изданій, разбросанныя въ ней замѣчанія автора объ аеон-